

ДИСКУСІЇ

Петр Толочко

Историческая топография раннего Киева: реальная и вымышленная

В последние годы заметно оживились исследования по исторической топографии раннего Киева. Развернувшаяся на страницах журнала *Ruthenica* дискуссия показала, что новое поколение киевоведов испытывает определенную неудовлетворенность многими, казалось бы, хрестоматийными положениями в этой области. Речь идет о местонахождении древнейшего городского средоточия и его датировке, об атрибуции объектов, ранее признававшихся языческими капищами, исторической топографии центральной части Киева времени княжения Ольги, интерпретации срубной постройки под Десятинной церковью, времени сооружения и характере укреплений «города Владимира», местонахождении Боричевого узвоза и др.

Разумеется, это естественный процесс научного познания, когда новое поколение исследователей пересматривает или уточняет выводы своих предшественников. Другое дело, насколько эти новации обоснованы источниками. При знакомстве с публикациями по этой теме далеко не всегда возникает ощущение их крайней необходимости, вызванной обретением неопровержимых аргументов. Иногда, о чем речь пойдет ниже, это воскрешение давних точек зрения, не получивших в последующем научного признания, чаще же авторские предположения, основанные скорее на исследовательской интуиции, чем на системе твердых фактов. Имеют место, к сожалению, и откровенно эпатажные утверждения, вообще ни на чем не основанные.

1. Древнейшее городское средоточие

Анализ историко-топографической динамики раннего Киева начнем с выяснения местонахождения древнейшего городского (или протогородского) ядра. В свое время, основываясь на тщательном учете археологических находок VI–VIII вв., автор этих строк пришел к выводу, что средоточием начального Киева была Замковая гора, а также северо-западный отрог горы Старокиевской.¹ В целом это положение не претерпело в новых исследованиях существенной корректировки, если не считать того, что некоторые молодые

¹ Толочко П.П. *Исторична топографія стародавнього Києва*. К., 1970, 42–53, 66.

авторы сжились с ним, как со своим.² Что касается точных датировок, то здесь, видимо, с одинаковым правом и впредь будут существовать разные мнения. В большей мере это относится ко времени сооружения древнейших укреплений на Старокиевской горе, которое определяется исследователями по-разному. М.К. Каргер полагал, что их появление следует относить к VIII–IX вв. Свою дату он обосновал находками лепной керамики этого времени, обнаруженной в заполнении древнейшего рва. Находилась она, как отмечали в своих дневниках Ф.Н. Молчановский и В.К. Гончаров, на самом дне,³ что действительно может служить хронологическим маркером времени начального этапа функционирования рва. Другое дело насколько М.К. Каргеру удалось точно продатировать эту лепную керамику, тем более, что он не исключал отнесение ее и «к более раннему времени».⁴

Многолетние археологические раскопки, осуществленные на Старокиевской горе С.Р. Килиевич и автором этих строк, обнаружили остатки, по меньшей мере, трех жилищ, в которых выявлена лепная керамика пражского типа VI в. и волынцевско-роменского — VII–VIII вв.⁵ Еще одно жилище VI–VII вв. выявлено раскопками 1937 г. у древнего капища, которое перекрывало его значительную часть. В 1939 г. в усадьбе Киевского исторического музея, почти у самого края Старокиевской горы удалось раскопать жилище, которое его исследователь, по составу находок, датировал VIII–IX вв.⁶

Исходя из результатов раскопок, а также из того, что керамика VI–VII вв. неоднократно обнаруживалась также и на Замковой горе, я считал возможным отнести к этому времени и сооружение первого киевского укрепления. В пользу такой датировки свидетельствуют также находки на Старокиевской и Замковой горах византийских монет конца V–VI вв., фибулы с красной выемчатой эмалью V–VI вв., зооморфных и антропоморфных фибул VI–VII вв., литых браслетов с утолщенными концами VII в., браслетов с расширяющимися пустотелыми концами VII–VIII вв.⁷

Исходя из того, что вещи третьей четверти I тыс. н.э. находились не только на территории древнейшего городища, но и вне его, в том числе и в районе Софийского собора, ул. Малой Житомирской, других местах, я высказал предположение о том, что в это время была заселена также и южная околица Старокиевской горы.⁸ Убедительных археологических подтверждений оно не получило до сих пор, но какие-то следы жизни здесь, все же, выявить удалось. Керамика третьей четверти I тыс. н.э. обнаружена, в частности, раскопками экспедиции Я.Е. Бо-

2 Козюба В.К. «Місто Володимира» у Києві: історична реальність чи історіографічний міф? *Стародавній Іскоростень і слов'янські гради*. Т.1. Коростень, 2008, 257.

3 Мовчанівський Т.М. Щоденник розкопок 1936 г. *Научный архив Института археологии НАН Украины*, 43, 51–56.; Гончаров В.К. Щоденник розкопок. *Там же*, 84–89.

4 Каргер М.К. *Древний Киев*. Т.1. М.; Л., 1958, 103.

5 Толочко П.П. *Древний Киев*. К., 1983, 25–28.

6 Каргер М.К. *Древний Киев*, 105.

7 Толочко П.П. *Древний Киев*, 25–28.

8 Толочко П.П. *Історична топографія*, 54.

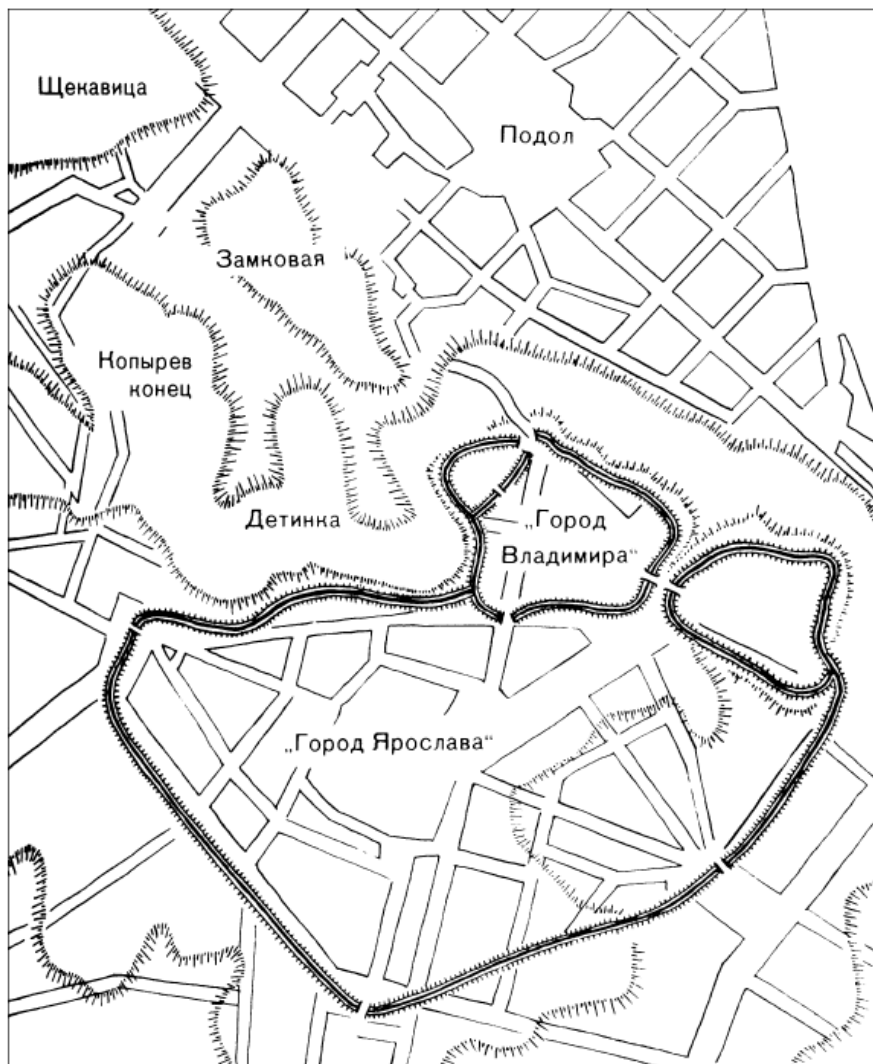

Рис. 1. План укреплений Верхнего Киева VI—XI вв.

ровского в юго-восточной части «города Владимира».⁹ Во время раскопок Десятинной церкви в 2006–2009 гг. были обнаружены остатки жилища VIII в.*

В новых исследованиях авторы предпочли датировку древнейших укреплений, предложенную М.К. Каргером, правда, несколько сузив ее до середины —

9 Боровський Я.Е., Калюк О.П. Дослідження київського дитинця. *Стародавній Київ. Археологічні дослідження 1984–1989 рр.* К., 1993, 3–42.

* Раскопки экспедиции под руководством Г. Ю. Ивакина.

второй половины VIII в.¹⁰ Каких-либо новых данных, подтверждающих эту дату, нет. Исследования рва у Десятинной церкви, осуществленные в 2005–2008 гг., не выявили находок, которые бы поддержали такой вывод. По существу, и не могли выявить, поскольку любые находки в заполнении рва могут указывать лишь на относительную хронологию его жизни. Не случайно исследователи, вместе проводившие в течение ряда лет раскопки, не сошлись даже в вопросе о времени прекращения его функционирования. А.В. Комар считает, что укрепления прекратили существование уже вначале IX в.,¹¹ а В.К. Козюба относит это событие ко времени Святослава.¹² Ни тот, ни другой не привели в пользу своих предположений сколько-нибудь убедительных археологических свидетельств.

Нельзя признать удачной и попытку разобраться в характере древнейших укреплений. Как утверждает А.В. Комар,

ни одна из работавших на городище экспедиций не обнаружила следов древнейшего вала потому, что его и не было — по краю рва с внутренней стороны стояла дерево-земляная стена, укрепленная глиняным откосом, частью рухнувшая в ров.¹³

Здесь согласиться можно только с тем, что присутствие деревянных конструкций в заполнении рва это не следы каких-то немислимых его ремонтов, как кажется В.К. Козюбе и его петербургским коллегам, а рухнувшая в него (или намеренно сброшенная) стена, находившаяся на валу¹⁴. Что он был, не требуется никаких специальных доказательств. Достаточно только задуматься над тем, куда устроители укреплений дели землю, вынутую при отрывке рва. Во все времена и у всех народов она служила для насыпи вала, который собственно и являлся главным оборонительным сооружением. Чем глубже и шире был ров, тем выше и мощнее вал. Несомненно, так было и в данном случае. А не обнаружили его исследователи по очень простой причине. Насыпь вала

10 Козюба В.К. «Місто Володимира», 257. Научная общественность ещё не успела осмыслить на основании каких материалов получена дата середина — вторая половина VIII в., как В.К. Козюба порадовал новой. В интервью газете «Сегодня» от 1.12.2009 г. он сообщил читателям, что первые укрепления на Старокиевской горе появились только в X в., во время правления Игоря и Ольги. После этого открытия, будто бы, даже «встал вопрос о пересмотре топографии Киева языческого периода». Что можно сказать на это? Только то, что прежде чем приниматься за непосильную для себя задачу пересмотра исторической топографии языческого Киева, ему следовало бы пересмотреть собственное разномыслие, разобраться в том, что из сказанного им основано на археологических данных, а что является плодом воображения.

11 Комар А. К дискуссии о происхождении и ранних фазах истории Киева. *Ruthenica IV* (2005), 124 и сл.

12 Козюба В.К. «Місто Володимира», 263–264.

13 Комар А. К дискуссии, 125.

14 Комар А. К дискуссии, 134–135. Выявленные новыми раскопками незначительные следы деревянных конструкций в средней части откоса первичного рва с городской стороны невозможно интерпретировать как срубное его укрепление. Во-первых, лесовые стенки рва не нуждались ни в каком специальном укреплении, чего и не знает европейская средневековая фортификация. А, во-вторых, небольшие размеры предполагаемого сруба (менее 1 м по ширине), а также отсутствие угловых замков с подгородной стороны делают эту конструкцию совершенно бессмысленной в инженерном отношении. Она не только не могла ничего укрепить, но сама нуждалась бы в укреплении. К тому же, как явствует из обмерного чертежа разреза, эта конструкция не простиралась на всю высоту рва, будучи перекрыта слоями засыпки.

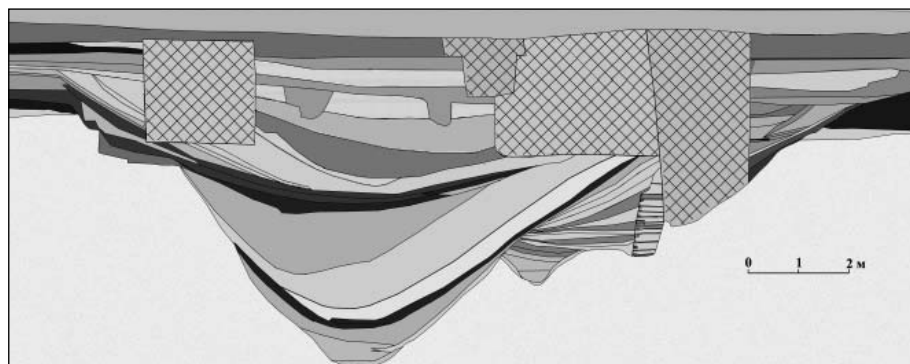

Рис. 2. Разрез рва древнейшего городища. 2009 г.

Рис. 3. Разрез рва древнейшего городища. 2009 г.

вернули в ров во время планировки древних укреплений. Иначе, чем можно было его заполнить?

Что касается наблюдения Д.В. Милеева 1912 г. о наличии «на внешнем гребне рва следов кольев, забитых в землю на расстоянии 15 см один от другого», то оно не столько порождает сомнения в наличии вала, сколько укрепляет в этом. Колья эти служили конструкцией для насыпки вала, как впоследствии эту функцию выполняли деревянные клетки. Иначе невозможно было обеспечить его крутизну и предохранить внешний скат от сползания в ров.

По существу, дискуссия на эту тему кажется излишней и в свете предположений самого А.В. Комара. Ведь дерево-земляная стена, шедшая по внутренней стороне рва, о которой говорит молодой исследователь, это и есть тот самый вал, которого он не может обнаружить.

За пределами научного знания оказались и наблюдения о перерывах в заселенности древнейшего киевского ядра, которые, согласно А.В. Комару, приходятся на конец VII — нач. VIII, а также на первую треть IX — вторую половину

IX вв. Их совершенно нечем доказать. Сделать это было бы крайне сложно даже и в том случае, если бы поселения на Старокиевской и Замковой горах сохранили четкую культурную стратиграфию. Но ведь ее же нет. Активная жизнедеятельность в древнерусское и последующее время практически уничтожила древнейшие культурные слои. Только небольшие их островки сохранились до наших дней. Утверждение названного автора, что сооруженные или обновленные в волынцевское время укрепления на Старокиевской горе «гибнут в первой трети IX в. в результате штурма», и вовсе невозможно комментировать из-за их очевидной надуманности. Ни в письменных, ни в археологических материалах они не находят подтверждения.

Если исходить из наличествующих археологических артефактов, а не из умозрительных авторских «сценариев развития города», то придется признать историческую непрерывность развития жизни на Замковой и Старокиевской горах от VI–VII вв. до летописного Киева. Новый этап исследований не привнес качественно иных источников, которые бы дали основание кардинальному пересмотру хронологии древностей начального киевского ядра. Не оказалось продуктивным и переосмысление уже известных источников.

Сказанное в полной мере относится и к новейшей интерпретации каменного сооружения, открытого В.В. Хвойкой в пределах древнейших укреплений в 1908 г. Для В.К. Козюбы отождествление его с языческим капищем кажется не убедительным: «Никаких весомых аргументов в пользу такой атрибуции нет, кроме ссылок на длинный перечень исследователей, которые а priori приняли эту точку зрения».¹⁵ А.В. Комар, не оспаривая назначение этого сооружения, ставит под сомнение его хронологию. Ему не кажется верной мысль М.К. Каргера о том, что капище возможно датировать VIII в., а поэтому предлагает относить время его возведения только к X в.¹⁶ Некоторых исследователей наличие каменного капища в пределах древнейших укреплений привело к мысли о сакральном характере городка, который являлся, будто бы, исключительно местом исполнения языческих обрядов.¹⁷

Удивительно, но при высказывании новых взглядов авторы часто не проявляют не только историографической корректности, но и элементарного уважения к источникам. Конечно же, в пользу сакрального характера каменного сооружения свидетельствует не только «длинный перечень» сторонников такого отождествления. На эту мысль В.В. Хвойку и других ученых натолкнуло обнаружение рядом с каменным сооружением, с западной его стороны, так называемого жертвенного столба, состоявшего из чередующихся слоев сильно обожженной

15 Козюба В.К. «Місто Володимира», 257.

16 Каргер М.К. *Древний Киев*, 111; Комар А. К дискуссии, 129.

17 Катышев Д.М. Начальный этап истории Киева (IX–X вв.). *Вестник Челябинского государственного университета*. Серия 1. История. 2005, № 2 (18), 8–13. Правда, мысль эта не новая, но высказанная еще в 70-е годы XX ст. М.Х. Алешковским (Алешковский М.Х. *Повесть временных лет*. М., 1971, 126).

Рис.4 . Языческое капище на Старокиевской горе. Рисунки В. В. Хвойки.

глины с прослойками золы и угля, а также нахождение вокруг него большого количества костей и черепов животных, главным образом, домашних.¹⁸

Не убедительным выглядит и утверждение о городище-святилище. Даже если бы на его территории не были обнаружены реальные следы заселенности VI–VIII вв., в пользу этого свидетельствовали бы остатки мощных укреплений, совершенно немислимых и не нужных, если бы на всем двухгектарном плато Старокиевской горы функционировал только один языческий храм.

В свою очередь, В.К. Козюба аргументирует отрицание сакрального характера каменного сооружения тем, что оно находится среди поселенческой застройки, тогда как капище, якобы, непременно должно было быть вне населенного пункта.¹⁹ Такая точка зрения в литературе действительно высказывалась, но никто так и не смог определить, во-первых, непременную закономерность этой экстерриториальности, а, во-вторых, какой удаленностью от поселенческой структуры она должна определяться.

2. «Град» Кия и Боричев узвоз

Теоретически вопрос о том, возможно ли отождествлять укрепленное поселение на Старокиевской горе с летописным «градом Кия» не вызывает больших затруднений. Такой вывод вытекает из анализа летописного известия об основании тремя братьями Киева. Изначально, как пишет летописец,

сѣдаше Кии на горѣ гдѣже ныне оувозъ Боричевъ . а Щекъ сѣдаше на горѣ . гдѣже ныне зоветса Щековица . а Хоривъ на третѣи горѣ . ѿ негоже прозваса Хоривица²⁰

18 Хвойка В.В. *Древние обитатели Среднего Поднепровья и их культура в доисторические времена*. К., 1913, 66.

19 Козюба В.К. «Місто Володимира», 270.

20 *ПСРЛ* 1: 9.

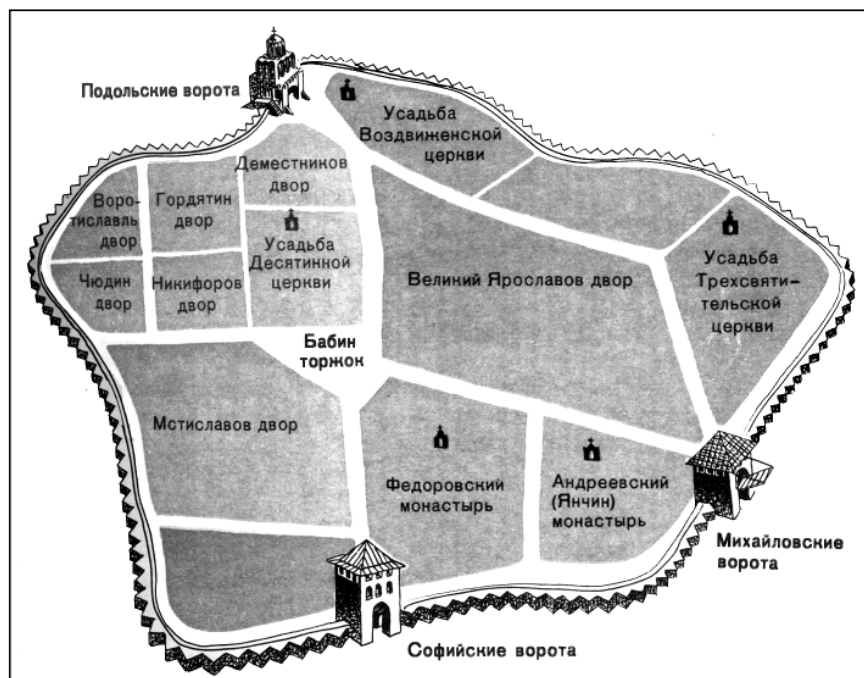

Рис. 5. Социальная топография «города Владимира» X—XIII вв.

Учитывая, что древнейшее предгородское поселение находилось на Замковой горе, представлявшей собой естественную крепость, предположение Б.А. Рыбакова о нахождении на ней первоначального «городка Кия» не может вызвать сколько-нибудь обоснованных возражений.²¹ Однако, это вовсе не значит, что первый киевский князь не имел отношения к «городку» на Старокиевской горе. Из буквального содержания летописного предания следует, что после того как братья поселились на отдельных горах, они построили общий «град» и назвали его в честь старшего брата Киевом: «и створиша градъ во има брата своего старѣишаго . и нарекоша има ему Кисвь»²².

Разумеется, это не свидетельство очевидца, но предание, и мы не обязаны относиться к нему, как к документу. Но «град» на Старокиевской горе действительно обнаружен и это позволяет видеть в этом предании вполне конкретные исторические реалии. Как и в известии статьи 862 г., рассказывающей об овладении Киевом Аскольда и Дира: «и пойдоста по Днѣпру . и идуче мимо и оузрѣста на горѣ градо»²³. На вопрос, чей он, Аскольд и Дир получили ответ, что это городок Кия, построенный тремя братьями.

21 Рыбаков Б.А. Город Кия. *Вопросы истории*. 1980, №5, 42–45.

22 *ПСРЛ* 1: 9.

23 *ПСРЛ* 1: 20.

Рассуждения о том, какой городок увидели с Днепра, плывшие по нему Аскольд и Дир, не имеют принципиального значения. С Днепра одинаково хорошо просматривались обе горы: Замковая и Старокиевская. Важным здесь представляется только то, где находилась в это раннее время княжеская резиденция. Традиционное мнение, высказывавшееся многими исследователями о том, что древнейший Киев-град располагался на Старокиевской или западной части Андреевской горы, в последнее время подверглось пересмотру. Развивая, давно высказанную мысль, что древнейшим средоточием киевской жизни была Замковая гора, В.Н. Зоценко пришел к выводу, что именно на ней и была «княжеская резиденция Игоря — Ольги — Святослава и его сыновей».²⁴

Какие-либо археологические источники на этот счет отсутствуют, а поэтому В.Н. Зоценко в доказательство своего предположения привлек летописные свидетельства. Привлек, надо сказать, не очень корректно, а осмыслил и вовсе неверно. Пространная статья 945 г. не дает и малейших оснований располагать княжеские постройки этого времени на Замковой горе. Если не фантазировать, а держаться свидетельства летописца, то окажется, что «город Киев», княжеский двор в городе и двор теремной вне города четко маркируются Боричевым узвозом, Десятинной церковью и двором деместника. Имеющееся уточнение, что на территории древнейшего града во времена летописца располагались дворы четырех киевских бояр, также не отсылает нас к Замковой горе. И напрасно В.Н. Зоценко так много внимания уделил анализу этого сюжета. В свое время мной была предпринята попытка увязать находки киевских кладов с летописными боярскими дворами, из которой следует, что на Старокиевской горе предполагать такие дворы возможно, тогда как на Замковой — нет.²⁵

Длительное время исследователи исторической топографии полагали, что открытые В.В. Хвойкой фундаменты каменной постройки над усадьбой № 38 по Андреевскому спуску и есть остатки летописного терема княгини Ольги. Того, который располагался «внѣ города», т.е. за пределами укреплений. Новые исследователи поставили под сомнение и этот вывод. Главным аргументом здесь является неизвестно на чем основанное убеждение, что каменное строительство в Киеве началось только во времена Владимира, а также и то, что т.н. «восточный» (северо-восточный) дворец не согласован планировочно с Десятинной церковью, а посему появился уже после завершения ее строительства.

24 Зоценко В. Скандинавские древности и топография Киева. *Ruthenica* II (2003), 33–35. А.В. Комар, поддержавший В.Н. Зоценко в его локализации княжеского двора на Замковой горе, пустился в отвлеченные рассуждения, что ранний княжеский двор напоминал большую укрепленную усадьбу с большим деревянным теремом, амбарами, погребями и полуземлянками челяди, казармами для дружины (см.: Комар А. К дискуссии, 131). С этим можно было бы и согласиться, если бы эти рассуждения хоть в малой степени опирались на реальные археологические данные. Странная логика получается у названных авторов. Для размещения древнейшего княжеского городка на Старокиевской горе нужны фактологические доказательства, а на Замковой — достаточно формулы: «Я так думаю». Кстати, площадь Замковой горы равняется не 20 га, как утверждал В.Н. Зоценко, а меньше 10 га. И над уровнем Днепра она возвышается не на 100 м, а в лучшем случае, на 60–70 м. Эти уточнения не влияют на правильность (или неправильность) его выводов, но свидетельствуют о недостаточной внимательности к точности фактов.

25 Толочко П.П. *Древний Киев*, 197–198.

Оба аргумента не имеют сколько-нибудь убедительных оснований. При повторном вскрытии фундаментов Ф.Н. Молчановским экспертная комиссия, в которую входил и историк архитектуры И.В. Моргилевский, действительно определила время возведения этого дворца концом X или началом XI в. Правда, никаких доказательств этого предположения она не привела. К тому же отметила еще одно любопытное обстоятельство, почему-то ускользающее из внимания последующих исследователей: рядом с монументальной кладкой выявлены и другие строительные остатки, включающие камни красного кварцита, которые не были архитектурно связаны с основной постройкой.²⁶ Как видим, Ф.Н. Молчановским были обнаружены остатки возможно двух каменных сооружений, не обязательно одновременных.

Судя по хорошо исследованным ныне фундаментам Десятинной церкви и описанию таковых «восточного» дворца, они действительно близки между собой. Но эта констатация вовсе недостаточна для того, чтобы утверждать, будто строительство дворца непременно следовало за возведением Десятинной церкви. Могло быть и наоборот. На основании сравнительных сопоставлений материала и характера кладки определить точную хронологию просто невозможно.

Что касается несовпадающей планировки «восточного» дворца с ориентацией Десятинной церкви, то этот аргумент, если им вообще корректно оперировать, скорее в пользу более ранней его даты, чем поздней. При одновременном возведении архитектурного комплекса «города Владимира», как и последовательном, где первым зданием была Десятинная церковь, его строители непременно должны были учитывать осевые координаты этой главной постройки, что и подтверждается планировкой т.н. «западного» дворца. И конечно, несовпадение планов «восточного» и «южного» дворцов с Десятинной церковью несерьезно объяснять особенностями рельефа.

Как известно, временем предшествующим строительству Десятинной церкви С.П. Вельмин датировал «южный» (юго-восточный) дворец. Одним из аргументов этому был и тот, что здание расположено под углом к Десятинной церкви и всего лишь на расстоянии 5 м от нее. Кроме того, согласно его наблюдению, дворец ко времени завершения строительства Десятинной церкви был разобран, а над засыпанными фундаментными рвами находилась вымостка из сырцового кирпича, которым была выложена вся спланированная околоцерковная площадь.²⁷ М.К. Каргер подверг сомнению наличие сырцовой вымостки, но лишь на том основании, что о ней ничего не сказано в отчете Д.В. Милеева. Еще одним доводом для С.П. Вельмина служило и то, что ширина фундамента дворца значительно превышала ширину фундамента Десятинной церкви.

Возвращаясь к свидетельствам летописной статьи 945 г., следует сказать, что их историческая достоверность нашла подтверждение и в раскопках 1970–

26 Научный архив Института археологии НАН Украины 1938 г., № 331.

27 Вельмин С.П. Раскопки Археологической комиссии в Киеве в усадьбе Десятинной церкви летом 1911 г. *Университетские известия*. К., 1914, октябрь (Отчет о деятельности Историко-Этнографического кружка при Университете св. Владимира за 1911–1912 учебный год), 5–6.

1972 г. Ими были выявлены в самом центре древнейшего городища остатки еще одной монументальной постройки. Ее фундамент состоял из валунов, рваного песчаника, шиферных плит, уложенных на глиняном растворе. В отдельных местах находилась кладка из квадратной и очень тонкой плинфы, также положенной на глиняном растворе. По характеру кладки и плановой структуре, что показали раскопки В.А. Харламова, это сооружение отличалось от известных ранее дворцовых построек, что позволяет относить его к более раннему времени.²⁸

Не исключено, что исследованные в центре древнейшего городища каменные фундаменты принадлежат тому дворцу Ольги, который был в городе: «а дворь княжь баше в городѣ». Отсутствие летописного уточнения о характере княжеского дворца на этом дворе не является основанием для отрицания его каменной архитектуры. К тому же, он мог быть и деревянным на каменном основании, о чем автору уже приходилось писать.

О том, из какого терема (деревянного или каменного) наблюдала Ольга за шествием древлянских послов в летописи вообще ничего не говорится. И миниатюра *Кенигсбергской летописи* здесь ничем помочь не может, как это казалось В.Н. Зоценку. Фахверковая постройка, изображенная на ней, не отражает ни одного из типов киевской жилой архитектуры X в. и определенно позаимствована копиистом из близкой ему западноевропейской действительности XV вв.

В заключение данного сюжета хотелось бы призвать своих молодых коллег к более корректному использованию письменных источников. В последних нельзя вычитывать то, чего в них нет. Если сказано, к примеру, что теремной двор Ольги с каменным дворцом находился за святою Богородицей над горою, и место это уточнено двором регента Десятинной церкви, то именно это и следует анализировать. Если приводится свидетельство о князем дворе в городе, то надо не отсылаться к Замковой горе, где никаких княжеских построек не обнаружено, как и древнейших укреплений, а обратиться к реальным остаткам постройки в центре древнего городища и хотя бы задаться вопросом, а не о ней ли говорил летописец?

Для выяснения местонахождения административного средоточия раннего Киева определяющее значение имеет летописная связь его с Боричевым узвозом. Во всех упоминаниях эта древнейшая киевская улица служит как бы уточняющим ориентиром. В 945 г. древлянское посольство «присташа подь Боричевымъ в лодьи», чтобы затем проследовать на Ольжин двор. В 988 г. по Боричевому узвозу влекли с горы к Днепру статую бога Перуна. В 1185 г. по Боричевому

28 Толочко П.П. *Древний Киев*. К., 1976, 28; Боровский Я.Е. Светские постройки. *Новое в археологии Киева*. К., 1981, 175–180. Недавно это вывод подвергся кардинальному пересмотру в кандидатской диссертации Санкт-петербургского исследователя Д.Д. Елшина, полагающего, что постройка в центре древнейшего городища была возведена не ранее конца XI в. (Елшин Д.Д. *Комплекс монументальных сооружений конца X века на Старокиевской горе*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб., 2008, 19.). Приведенные им аргументы, основанные на «анализе материалов археологических раскопок», совершенно недостаточны, чтобы опровергнуть выводы В.А. Харламова, Г.Н. Логвина, Н.В. Холостенка, осуществлявших эти раскопки и наблюдавших выявленные части построек не по фотографиям и чертежам, а, что называется, воочию.

узвозу, как говорится в *Слове о полку Игоревом*, ехал князь Игорь Святославич к подольской церкви святой Богородицы Пирогощи. Еще определеннее местонахождение древнейшего киевского «града» фиксирует статья недатированной части *Повести временных лет*, рассказывающая об основании Киева: «сѣдѣше Кии на горѣ гдѣже ныне оувозъ Боричевъ».²⁹

Конечно, это нынешний (и давний) Андреевский узвоз. Предпринимавшиеся неоднократно, в том числе и в последнее время, попытки расположить Боричев узвоз в отрыве от древнейшего городского ядра, совершенно некорректны. Это в полной мере относится и к версии С. Т. Голубева, поддержанной ныне пространными рассуждениями А. В. Комара, о том что узвоз этот находился в районе Михайловского Золотоверхого монастыря.³⁰ Версия эта в принципе недоказуема. Уже хотя бы потому, что Михайловская гора не была заселена вплоть до начала XI в., а следовательно никакой нужды в узвозе на Подол в это раннее время здесь не могло быть даже и теоретически. Более того, его не было там и в последующие века древнерусской истории.

Ссылки на первые планы города, в частности на аксонометрию Ушакова 1695 г., некорректны. На них в районе Михайловского монастыря нет никакого узвоза. Нарисована калитка, ведущая на склоны горы, примерно по трассе нынешнего фуникулера.³¹ Крутизна рельефа не позволяла проложить здесь дорогу к Днепру не только в древнерусское или позднесредневековое время, но и позже. В то время как древнейший узвоз по линии нынешнего Андреевского спуска функционировал (документированно) по крайней мере с самого начала XVII в.³² Это отчетливо видно из той же карты Ушакова. На ней между Старокиевской и Андреевской горами, помещены Киевские ворота, от которых начинается «большая дорога с Верхнего города на Подол». В своей нижней части она обозначена как «взвоз на гору в Киевские ворота».

29 ПСРЛ 1: 9.

30 Голубев С. Т. *Спорные вопросы о древней топографии Киева*. К., 1910.; Комар А. В. «Боричев» и «Боричев узвоз» древнего Киева. *Стародавній Іскоростень і слов'янські гради*. Т. 1. Коростень, 2008, 192–225.

31 В Росписи Киеву 1674 г. читаем: «От наугольной башни Меньшого города к Михайловскому монастырю две горы, и по тем горам острог деревяной, а промеж гор на острогу внизу рубленая стена... в стене калитка, ходят к реке Днепр» (Алферова Г. В., Харламов В. А. *Киев во второй половине XVII в.* К., 1982, 115).

32 Захария Копыстенский в «Палинодии» (1621 г.), локализируя место, где св. Андрей водрузил крест, указывает на гору «Вздыхальную» (ныне Андреевскую). Ее название он объясняет следующим образом: «Тая гора оттоль зовуть Вздыхальницею, ижъ высокою будучи, людей з долу идучи взыхають, а на верхъ вшедши отдыхаютъ, почиваючи» (*Lev Krevza's Obrona iednosci cerkiewney and Zaxarija Kopystenskyj's Palinodija* [= Harvard Library of Early Ukrainian Literature. Texts: vol. 3] (Cambridge, MA, 1987), 475. Афанасий Кальнофойский в «Тератургиме» (1638 г.) описывает чудо, случившееся в 1621 г. с князем Павлом Курцевичем. Из его описания узнаем, между прочим, что главная (а, может, и единственная) дорога из Киева (т.е. Подола) в Печерский монастырь пролегла через гору «Вздыхальницу» и по ней ездили на возах (*Seventeenth Century Writings on the Kievan Caves Monastery* [= Harvard Library of Early Ukrainian Literature, vol. 4] (Cambridge, MA., 1987), 215). Расположение Воздыхальной горы (Уздыхальницы) непосредственно напротив Замковой горы удостоверяется иллюстрацией Киевского замка 1552 г. (*Архив Юго-Западной России*. Часть VII, т. 1. К., 1886, 108). Там же ее указывает и Петр Развидовский (1634 г.) в описании владений доминиканского конвента (*Сборник материалов для исторической топографии Киева и его окрестностей*. К., 1874, отд. II, 103).

3. Могильник на Старокиевской горе и дом варяга

В историко-топографической структуре раннего Киева одно из существенных мест принадлежит могильнику. Начинаясь он сразу же за валом и рвом древнейшего поселения и простирался в южном и западном направлении по всей территории будущего «города Владимира».³³

Один из первых исследователей погребальных памятников Киева Я. Волошинский отмечал, что в киевской местности курганы расположены частично в самом городе, в местах, заселенных не более трех десятков лет назад, частично в его предместьях. По его подсчетам, число курганов достигало 280. Пятнадцать из них представляли собой отдельно стоящие насыпи, остальные располагались группами.³⁴ Приводя такую топографическую характеристику киевских курганов, Я. Волошинский, разумеется, не имел ввиду центральную историческую часть города, где к его времени курганы были спланированы. Однако, если бы они здесь сохранились, их топографическое расположение было бы таким же.

Определенно, они не занимали сплошь всю территорию будущего «города Владимира». Исследования показали, что погребения располагались группами. Наиболее значительные были раскрыты раскопками В.В. Хвойки, Д.В. Милеева и С.П. Вельмина, М.К. Каргера в усадьбе Десятинной церкви, раскопками С.С. Гамченко, Я.Е. Боровского в усадьбе Трубецкого (ул. Владимирская, 1–3), Я.Е. Боровского и И.И. Мовчана в юго-восточной части «города Владимира».³⁵ Отдельные погребения встречались в усадьбе Главтелеграфа, в районе ул. Рейтарской и Большой Житомирской, а также на Михайловской горе, вблизи Софии и Золотых ворот.

Результаты исследований могильных древностей систематизированы в работах Л.А. Голубевой, М.К. Каргера, С.Р. Килиевич, а также в ряде других, что избавляет автора от повторения этой аналитической работы. В целях данного исследования важно остановиться на вопросах топографии могильника в пределах «города Владимира» и его хронологии, поскольку именно они представляют наибольший интерес для выявления историко-топографической динамики этой части древнего Киева. В значительной степени эта работа уже проделана,³⁶ поэтому здесь я сосредоточу главное внимание на отдельных спорных интерпретационных положениях, которые появились, в том числе, и в последнее время.

Могильник состоял из погребений, выполненных по обряду кремации и ингумации. Судя по сведениям, попавшим в печать, соотношение трупосо-

33 Здесь нет необходимости комментировать утверждение В.Н. Зоценко о том, что могильником была занята и площадка древнейшего городища, поскольку его некорректность уже показал Ф.А. Андрощук (см.: Андрощук Ф. Скандинавские древности в социальной топографии древнего Киева. *Ruthenica* III (2004), 11).

34 Волошинский Я. Киевские курганы. *ИОЛЕАЭ*. Т. 20. *Труды Антропологического отдела*. Кн. 2. Вып. 1. М., 1876. — С. 76.

35 Мовчан І.І., Боровський Я.Є., Гончар В.М., Ієвлев М.М. Звіт про археологічні дослідження на вул. Великій Житомирській, 2-А у м. Києві. *Археологічні відкриття в Україні 2002–2003 рр.* К., 2004, 226–227.

36 Толочко П.П. *Історична топографія стародавнього Києва*, 60–72.

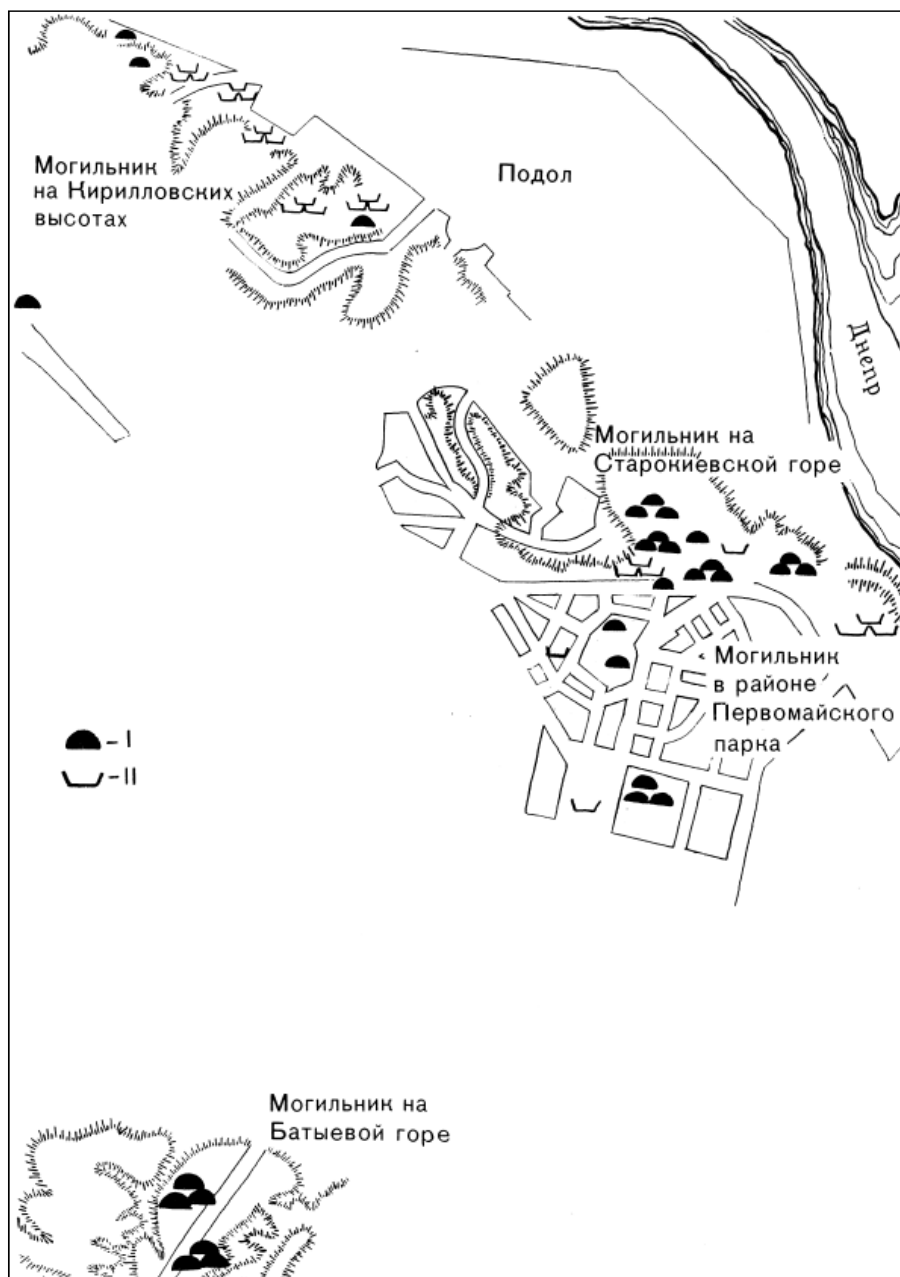

Рис. 6. Схема топографического расположения
Киевских могильников VIII—X вв.
I — погребения в курганах, II — безкурганные погребения

жений и труположений может быть выражено цифрами 1–1,5 к 10. Разумеется, это не объективная картина. Процент трупосожжений был, по-видимому, значительно большим. Просто они труднее поддаются выявлению, а поэтому и исследованы в меньшем количестве. Инвентарь этих погребений бедный: глиняные урны с сожженными костями, одиночные бронзовые украшения, фрагменты лепной посуды.³⁷

К сожалению, в настоящее время невозможно ответить на вопрос, какой была эта лепная керамика: корчакско-пражская, волынцево-роменская или лука-райковецкая? Однако, даже на основании столь незначительной информации можно сделать заключение, что трупосожжения относятся к начальному этапу существования Киева.

В ряде погребений, раскопанных в усадьбах 1–3 по ул. Владимирской, прослежен своеобразный промежуточный обряд. Костяки лежали в деревянных гробах, но были обильно посыпаны золой и углями. В 1878 г. аналогичная обрядовая особенность была обнаружена в погребении на территории Софийского подворья, что дало исследователям основание утверждать наличие определенной эволюционности в смене обрядов. Трупосожжение не сразу перешло в труположение; тело в переходный период или сжигали частично, или клали на предварительно обожженное место.³⁸ Хронологически раннюю группу труположений составляют и те из погребений, в которых находится раннегончарная и лепная керамика. По инвентарю это небогатые погребения: в них находились железные ножи, точильные бруски, кресала и кремь.

Присутствие в некрополе «города Владимира» нескольких погребальных обрядов, по-видимому, действительно характеризует хронологические этапы его функционирования.

Классифицируя погребения по социальному принципу, исследователи выделили группу богатых — дружинных захоронений. Ряд из них совершены в срубных гробницах.³⁹ Как правило, они характеризуются богатым инвентарем, среди которого предметы вооружения, различные украшения, монеты. Большинство богатых погребений выявлено в усадьбах начала ул. Владимирской, в том числе и в усадьбе Десятинной церкви, а также в юго-западной части Верхнего города. Л.А. Голубева объясняла такое расположение богатых погребений тем, что они находились по соседству с владениями Рюриковичей.⁴⁰ Мне представлялось, что группы погребений (не только богатых) соответствовали отдельным поселениям или районам раннего Киева.⁴¹ Похожую мысль недавно высказал Ф.А. Андрощук, проанализировав результаты исследований, проведенных Я.Е. Боровским в юго-восточной части «города Владимира». При этом, он поддержал

37 Отчет о действиях Временного комитета изыскания древностей в Киеве в 1838 г. *ЖМНП*. Ч. 21. Отд. 3. СПб., 1838, 83; *ИАК. Прибавление к выпуску 32*. СПб., 1909, 125–126.

38 Лебединцев П.Г. О святой Софии Киевской. *Труды III Археологического съезда в Киеве*. Т. 1. К., 1878, 64.

39 Голубева Л.А. Киевский некрополь. *МИА* № 11. М.-Л., 1949, 112.

40 Голубева Л.А. Топография домонгольского Киева. *КСИИМК*. М.-Л., 1946. Т. 26.

41 Толочко П.П. *Исторична топографія стародавнього Києва*, 63.

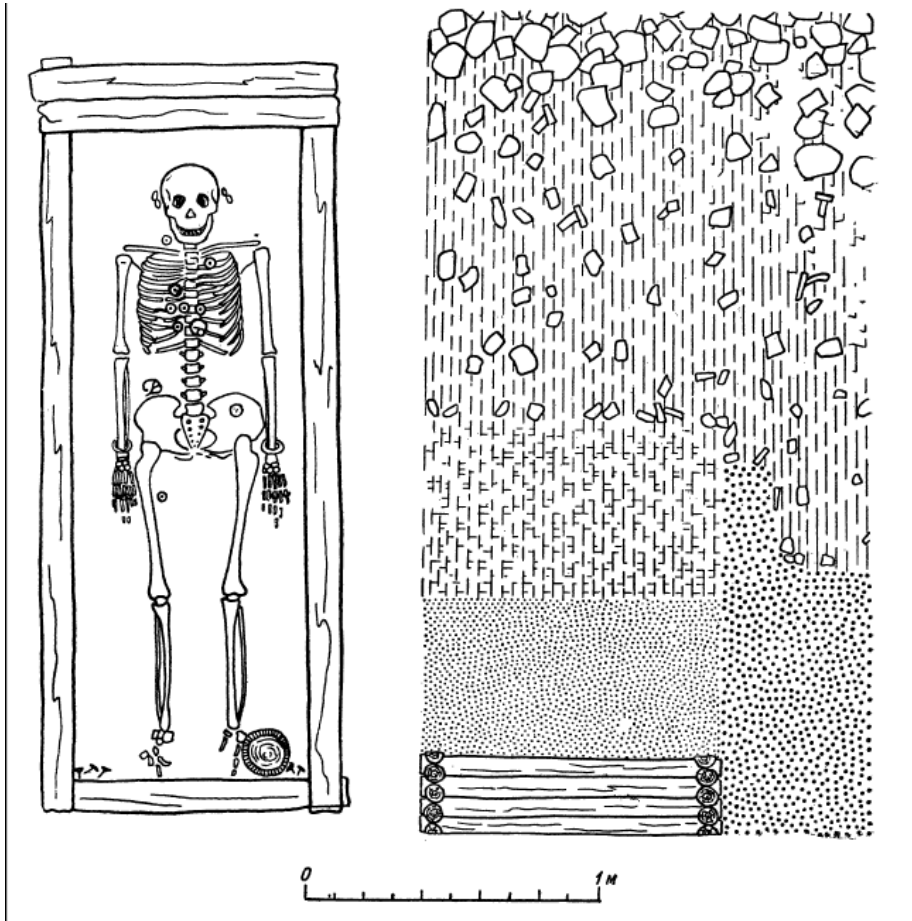

Рис. 7. План и разрез могильного сруба /погребение 123 по М. К. Каргеру.

свой вывод аналогиями из скандинавской средневековой жизни. Согласно ему, в Скандинавии само понятие старых усадеб (дворов или деревень), как правило, предполагало наличие поблизости курганов.⁴²

Одним из важнейших вопросов, имеющим определяющее значение для воссоздания реальной историко-топографической ситуации территории «города Владимира», является определение даты могильника. С.П. Вельмин датировал его концом VIII — серединой X вв.⁴³ Близкого мнения придерживался также Б.В. Фармаковский, являвшийся научным руководителем киевских раскопок.

42 Андрощук Ф. Скандинавские древности, 19.

43 Вельмин С.П. Археологические изыскания Императорской Археологической комиссии в 1908 и 1909 гг. на территории древнего Киева. ВИБ. К., 1910. Кн. 7–8, 139 и сл.

С такой датировкой решительно не согласился М.К. Каргер. Исходя из монетных находок, он пришел к выводу, что наиболее богатые погребения относятся ко времени от середины до конца X в.⁴⁴ Автор этих строк, на основании анализа практически тех же материалов, пришел к выводу, что верхнюю дату могильника следует опустить до середины X в. Из всех погребений только одно имело монету второй половины X в., остальные содержали монеты конца IX — первой четверти X в. Такая закономерность верхних дат монет позволила предположить, что уже к середине X в. могильник на Старокиевской горе как массовый, городской, прекращает функционировать. Наиболее поздние погребения находились вблизи Десятинной церкви и принадлежали уже церковному кладбищу.⁴⁵

В 90-е годы XX в. к аналогичному выводу пришел Ф.А. Андрощук, осуществивший хронологический анализ киевского некрополя на более широкой основе, используя для этого не только монеты, но и другие хорошо датированные погребальные находки. Исходя из материалов выборки, все погребения, за исключением одного укладываются, согласно ему, во временные рамки между 900-м и 950-м годами. На этом основании исследователь пришел к выводу, что на сегодня мы имеем достаточно весомых доказательств датировать могильник, хронологически предшествующий Десятинной церкви, первой половиной X в.⁴⁶

На этом можно было бы и завершить сюжет о топографии и хронологии могильника, если бы Д.В. Милеев и С.П. Вельмин не выявили под южной апсидой сооружение, вызвавшее и вызывающее до сих пор оживленные споры. Речь идет о срубной постройке, которую исследователи интерпретировали, как подвальное помещение, и которая, с легкой руки М.К. Каргера, убежденного в том, что киевская жилая застройка состояла исключительно из полуземляночных жилищ столбовой конструкции, превратилась в погребение № 109. Это отождествление ныне поддерживается практически всеми исследователями киевских древностей, хотя убедительных аргументов в его пользу никто из них привести так и не смог.

Дело в том, что в предполагаемом погребении не было захоронения и это вынудило исследователей искать не аргументы, а объяснения, куда оно девалось. Они поражают своей изобретательностью, а иногда и экзотичностью. При этом, нередко, у одного и того же автора можно встретить различные объяснения.

Создание легенды началось с М.К. Каргера. Большие размеры сруба дали ему основание предполагать исключительную знатность погребенного и богатство сопровождающего инвентаря. Отсутствие костяка (или костяков) он объяснил тем, что строители Десятинной церкви, ограбив склеп, выбросили из него и кости.⁴⁷

Ф.А. Андрощук предложил два объяснения. Согласно первому, отсутствие погребения связано с «разрушительными действиями какой-то строительной ямы, которая зафиксирована на чертеже, но никак не прокомментирована авто-

44 Каргер М.К. *Древний Киев*, 220–230.

45 Толочко П.П. *Исторична топографія стародавнього Києва*, 64.

46 Андрощук Ф., Панченко М., Ковалюх М. До передісторії спорудження Десятинної церкви (хронологічний аналіз поховальних комплексів). *Церква Богородиці Десятинна в Києві*. К., 1996, 43–46.

47 Каргер М.К. *Древний Киев*, 172–174.

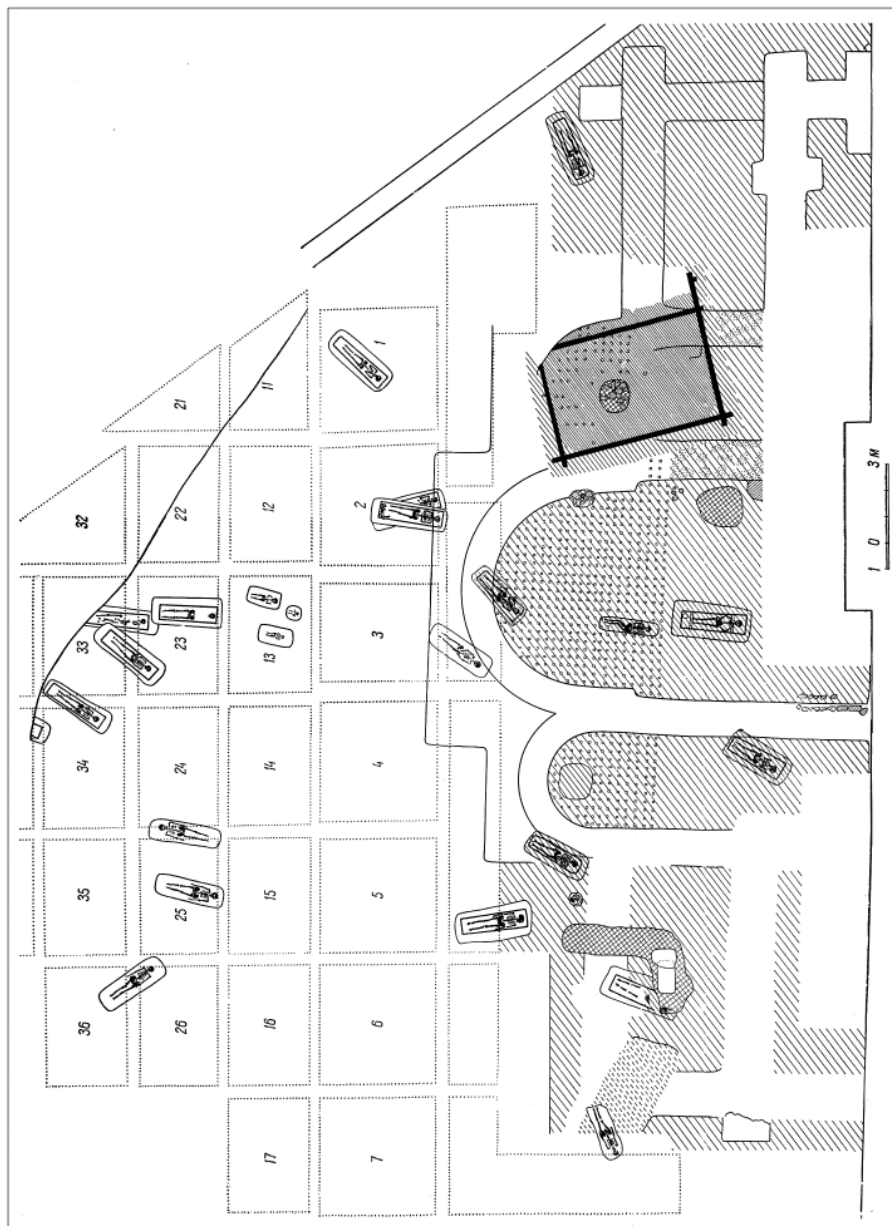

Рис. 9. Могильник VIII—X вв. в усадьбе Десятинной церкви.
Раскопки Д. В. Милеева и С. П. Вельмина.

рами раскопок».⁴⁸ Вторым объяснением он повторил предположение К.А. Михайлова, по которому погребение было вскрыто при строительстве Десятинной церкви и перезахоронено, поскольку принадлежало, будто бы, одному из родственников Владимира Святославича.⁴⁹

Но это сюжет скорее для художественного сочинения, чем для научной работы. К.А. Михайлову, Ф.А. Андрощуку и разделяющим их взгляды следовало бы озаботиться ответами на естественные, в данном случае, вопросы: кто этот загадочный Владимиров родственник, где он был перезахоронен и обнаружено ли в могильнике на Старокиевской горе хоть одно богатое захоронение со следами перезахоронения? Требуется объяснения также и то, почему такой чести удостоился только этот представитель княжеского рода, тогда как другие так и остались не перезахороненными, хотя, будто бы, также принадлежали к числу княжеских родственников. И, наконец, что помешало строителям и Владимиру сместить храм на каких-то 5–10 м, чтобы не пришлось святотатствовать или прибегать к перезахоронению?

По существу, ответ только на первый из этих вопросов уберег бы названных авторов от мучительных раздумий над всеми остальными. Ведь круг ближайших родственников Владимира известен. Это бабушка Ольга, похороненная, согласно завещанию, по христианскому обычаю (и, действительно, позднее перезахороненная, но в уже завершенной Десятинной церкви⁵⁰), отец Святослав, погибший на днепровских порогах, братья Олег и Ярополк, перезахороненные только в 1044 г. Ярославом в Десятинной церкви после осуществления обряда крещения их останков.⁵¹ Была еще Малуша, но, во-первых, мы ничего не знаем о ее судьбе, а, во-вторых, если правильно ее отождествление с некой Малфрид, упомянутой летописью, то она умерла в 1011 г., т.е. много позже сооружения Десятинной церкви. Вот и весь круг ближайших родственников Владимира. И ни один из них не может рассматриваться как претендент на виртуальную могилу под южной апсидой Десятинной церкви. Рассуждения К.А. Михайлова о многочисленных родственниках Игоря и Святослава, снабженные ссылкой на Е.В. Пчелова, а не на летопись, не могут быть приняты в качестве аргумента.

В нескольких публикациях к вопросу интерпретации сруба под южной апсидой Десятинной церкви обращался В.К. Козюба. В целом, он пришел к выводу, что отождествление сруба с жилой, хозяйственной или гражданской постройкой шаткое и не может служить серьезным аргументом в пользу жилой застройки за пределами древнего городища в дохристианское время. В другой работе его фор-

48 Андрощук Ф., Панченко М., Ковалюх М. До передісторії, 44.

49 Андрощук Ф. Скандинавские древности, 18; Михайлов К.А. Киевский языческий некрополь и церковь Богородицы Десятинная. *Российская археология*. 2004, № 1, 35–45.

50 *Память и похвала Владимиру Иакова Мниха*, считающаяся достаточно ранним произведением, утверждает, что в Десятинной церкви для мощей Ольги была устроена специальная гробница: «лежить бо блжнное и чстное тѣло блжєныа кїгинѣ Улгы, гробъ камень малъ въ цркви стѣа Бѣа» (Бугославский С. К литературной истории «Памяти и похвалы» князю Владимиру. *ИОРЯС* за 1924 г., т. 29, Л., 1925, 147).

51 «выгребоша . в . княза Ярополка и Ульга . сѣна Сѣославлa . и крѣстиша кости єю . и положиша та въ цркви стѣа Бѣа» (*ПСРЛ* 1: 155).

мулировка более дипломатична. Проанализировав дневники Д.В. Милеева, где, собственно, находятся одни только глазомерные чертежи, В.К. Козюба пришел к выводу, что видеть в срубе погребальный комплекс (его-то как раз и нет) значительно больше оснований, чем связывать его с жилищно-хозяйственным сооружением. При этом заметил, что в пользу непогребального характера сооружения могут свидетельствовать большие его размеры, а также отсутствие погребения.⁵²

Следует сказать, что ни дневники Д.В. Милеева, ни новые раскопки 2005–2008 гг., не пополнили источниковую базу настолько, что бы она позволила не предполагать, а утверждать версию о погребальном характере сруба под Десятинной церковью. Разве что скорректировали его размеры. Они оказались несколько меньшими, чем значились в опубликованном отчете Д.В. Милеева, не 5,5 x 5,5, а 4,8 x 4,2 м*. Но, что характерно, не изменили общего плана постройки. Она, как хорошо видно из чертежа Д.В. Милеева, опубликованного М.К. Каргером, очень уж напоминает сруб пятистенок. Западная его стена примерно на полтора метра выходит за пределы южной основной камеры и имеет четко выраженные следы врубки продольной стены второй камеры. Ничего подобного в камерных киевских погребениях мы больше не встречаем. Как, собственно, и таких огромных погребальных камер. Даже и после корректировки размеров общая площадь только основной камеры равняется около 20 м². Если к этому прибавить почти 8 м² второй камеры, то сооружение это намного превысит размеры даже наиболее крупных камерных погребений.⁵³

Еще одной конструктивной особенностью данного сруба, отличающего его от камерных срубных погребений, был длинный (от 0,17 до 0,25 м) вынос венцов. Как можно заключить из публикаций, все шесть раскопанных на Старокиевской горе погребальных срубов были рублены не «в обло», но «в лапу».

Против рассуждений об ограблении погребения или его перезахоронении свидетельствует отчет Д.В. Милеева. Позволю себе еще раз напомнить его содержание. Сооружение представляло собой сруб из сосновых, сильно истлевших бревен, рубленных «в обло». Сруб в плане квадратный (5,5 x 5,5 м).⁵⁴ Глубина заложения нижнего венца сруба от уровня современной (раскопкам) поверхности 3,1 м; фундаменты Десятинной церкви заложены на глубину 2,6 м. Следовательно, разница между нижним венцом сруба и подошвой фундамента церкви равнялась 0,5 м. Во время выемки земли для заложения фундамента под южную апсиду, согласно исследователю, нижние бревна со-

52 Козюба В.К. Дослідження садиби Десятинної церкви у Києві в 1908–1914 рр. (за матеріалами щоденників Д.В. Милєєва). *Ruthenica IV* (2005), 190.

* Разумеется, никакой уверенности в точности данной коррекции быть не может. Она основана на интерпретации дневниковых крок Д.В. Милеева, которые вряд ли обладают большей точностью, чем его же обмерный чертеж. Нельзя здесь полагаться и на результаты новых раскопок, уже третьих со времен Д.В. Милеева. Четвертые и вовсе не обнаружат этого археологического объекта.

53 Согласно исследованию Л.А. Голубевой, срубные камерные гробницы в Киевском некрополе имели размеры от 1 x 2,5 до 2,6 x 2,8 м (см.: Голубева Л.А. Киевский некрополь. *МИА*, № 11. Т. 1. М., Л., 1949, 112–113).

54 Судя по всему, Д.В. Милеев определял размеры сруба по длине западной стенки, продолжающейся в южном направлении примерно на 1,5 м от южной.

оружия, как и культурный слой чернозема, что лежал между ними, не были срыты.⁵⁵ Принимая во внимание высокую археологическую квалификацию Д.В. Милеева, что неоднократно подчеркивал М.К. Каргер и другие исследователи, такое его наблюдение исключает версии об ограблении или намеренном перезахоронении костей.

В.К. Козюба полагает, что в действительности заполнение камеры равнялось не 0,5, а 0,25 метра. Но это уточнение не может служить аргументом к пересмотру главного вывода Д.В. Милеева. Находок в этом слое было немного: обломки толстостенных черепков с кварцем, бронзовый литой наконечник ремня, бронзовая литая накладка на ремень. Согласно сообщению С.П. Вельмина, в заполнении сооружения удалось обнаружить также две арабские монеты.⁵⁶ Раскопками 2006 г. была выявлена у северо-западной стенки еще и половина диргема. Изучение ее Г.А. Козубовским позволило определить лишь относительную его дату: IX — первая половина X в.

Как полагает В.К. Козюба, новые исследования нераскопанной Д.В. Милеевым части заполнения не позволяют утверждать, что оно не было потревожено строителями Десятинной церкви.⁵⁷ Однако четких стратиграфических аргументов в пользу такого утверждения он не привел.

Соглашаясь с версиями ограбления погребения или его перезахоронения, исследователи обязаны объяснить, откуда взялось это заполнение. При невероятной тщательности грабителей, не оставивших даже маленькой косточки погребенного (или погребенных), равно как и при перезахоронении, в постройке не должно было остаться заполнения. Если оно не «родное», а появилось в результате засыпки камеры после «изъятия» погребенного строителями Десятинной церкви, как полагает К.А. Михайлов, тогда, содержащиеся в нем находки вообще непригодны для определения характера сооружения.⁵⁸

После Д.В. Милеева и С.П. Вельмина гражданский характер сруба под Десятинной церковью утверждали К. Щероцкий, Л.А. Голубева, автор этих строк, С.Р. Килиевич. К. Щероцкий, Д.В. Айналов и некоторые другие исследователи склонны были видеть в нем даже остатки дома варяга-христианина.⁵⁹ В своей книге по исторической топографии Киева я назвал это предположение хотя и смелым, но не лишенным оснований.⁶⁰ Очевидно, что я исходил из летописного известия 983 г., повествующего о жертвоприношении языческим богам сына некоего варяга-христианина. Проживал этот варяг, как свидетельствует летопись,

55 *ОАК* за 1908 г. СПб., 1912, 153.

56 *ОАК* за 1908 г., 153.

57 Козюба В.К. «Місто Володимира», 253.

58 Михайлов К.А. Киевский языческий некрополь, 38.

59 Как известно, Д.В. Айналов полагал даже, будто фраза митрополита Илариона о том, что Владимир создал Десятинную церковь «на правоверной основе» имеет ввиду именно это обстоятельство: храм оказался сооружен на месте мученичества первых христиан (Айналов Д.В. К вопросу о строительной деятельности св. Владимира. *Сборник в память святого равноапостольного князя Владимира*. Пг., 1917, 23–25).

60 Толочко П.П. *Исторична топографія стародавнього Києва*, 59.

там, где затем была построена Десятинная церковь: «баше Варагъ единъ. и бѣ дворъ его идеже естъ цркъ стѣа Бѣа . юже сдѣла Володимерь».⁶¹

В новое время это отождествление вызывает снисходительные замечания, хотя оно намного корректнее, чем предположение о том, что этот сруб является захоронением родственника Владимира. Разумеется, никакой гарантии, что перед нами непременно остатки усадьбы варяга-христианина нет. Но это вовсе не означает, что это сомнение дает нам основание вообще абстрагироваться от летописного известия и размещать эту усадьбу где угодно, но только не там, где указал летописец. При этом еще и журить его за незнание исторической топографии раннего Киева, как это имеет место в работе А.В. Комара. Согласно ему, именно слабые познания летописца отразились на локализации под 983 г. двора варягов-христиан на месте Десятинной церкви.⁶²

Такие снисходительные «похлопывания по плечу» летописцев, которые позволяют себе молодые исследователи киевских древностей, были бы оправданы, если бы им открылись какие-то новые свидетельства, уточняющие или изменяющие уже известные. Но поскольку их нет, необходимо с большей ответственностью относиться к летописи. В данном случае, к ее историко-топографическим уточнениям. В самом деле, топографические указания летописца (описывавшего минувшее состояние города и местоположение исчезнувших сооружений в нем точными указаниями на сооружения, существующие в его время) относятся едва ли не к единственным несомненно достоверным сведениям за вторую половину X в. Исследователям, отрицающим достоверность какого-либо одного подобного известия, необходимо продемонстрировать вымышленность или ненадежность всего комплекса однотипных указаний. И сделать это текстологически. Но в таком случае ценность письменных свидетельств для реконструкции исторической топографии Киева X в. будет равняться нулю. А древнейшую топографию города пришлось бы восстанавливать исключительно на основании археологических свидетельств — чистота метода, пока не продемонстрированная никем из рассматриваемых авторов.

Как не продемонстрированы умение и навыки чтения летописных источников. Археологи, изредка и по необходимости заглядывающие в летопись, избирательно отбирают свидетельства и на удачу определяют их надежность. Признаком же источниковедческой изощренности считается произвольное сомнение в достоверности сообщения или его фрагмента при подчас наивно-реалистическом прочтении понравившихся или «удобных» известий. В летописном свидетельстве нельзя брать только то, что нравится. К примеру, если возникают сомнения в местонахождении дома варяга, тогда логично должно возникнуть сомнения и в историчности этого персонажа, а также всей традиции о том, что Десятинную церковь построили на крови мучеников. Ведь сведения эти сообщены в одном тексте и одним летописцем. И вовсе не исключено, что еще тем, который писал летопись Десятинной церкви в конце X — нач. XI вв. Но даже, если это имело

61 ПСРЛ 1: 82.

62 Комар А. К дискуссии, 131.

место и позднее, в основании рассказа о варяге-христианине несомненно реальное киевское предание, возникшее по свежим следам события и поодерживаемое авторитетом клира Десятинной церкви. Какое-то время оно жило своей «устной» жизнью и было хорошо известно киевлянам.⁶³

Ф.А. Андрощук, назвав предположение о принадлежности срубной постройки под Десятинной церковью погребению какого-то знатного родственника князя Владимира перспективным, подкрепил его вероятностью примерами Дировой могилы «за святою Ориною» и постройкой церкви св. Николы на месте могилы Аскольда.⁶⁴ Некоторый параллелизм здесь действительно просматривается, но, скорее всего, не в том, в чем он видится исследователю. Во всех трех случаях храмы поставлены не столько на месте известных языческих захоронений, сколько на месте убийства или погребения первых киевских христиан. Если о церквях св. Ирины и св. Николая можно говорить лишь предположительно, поскольку в летописи не отмечено христианство князей Аскольда и Дира, то в том, что Десятинная церковь была поставлена на крови первых христиан, никаких сомнений быть не может. Летописец однозначно причислил варягов, отца и сына, к святым мученикам и праведникам: «акоже попраст^а си штѣника . при- смше вѣнень^ч нб^снъи съ стми мчнѣи и првднѣи».⁶⁵

4. «Город Владимира»

Наиболее прочным историко-топографическим звеном раннего Киева до недавнего времени считался так называемый город Владимира. Предложенная в 1950 г. А.М. Тихоновичем и М.М. Ткаченко реконструкция линий его укреплений была принята всеми исследователями и не подвергалась сомнению.⁶⁶ Согласно ей, вал «города Владимира» проходил по кромке Старокиевской и Андреевской гор до оврага в районе верхней станции фуникулера, отсюда поворачивал на юго-запад, доходил до начала ул. Большой Житомирской и вдоль ее правой стороны продолжался до начала Гончарного оврага, где поворачивал в сторону древнейшего городища. Основой для такой реконструкции послужили позднейшие планы Киева, в том числе и план Ушакова 1695 г. Тщательное изучение этого плана, предпринятое Г.В. Алферовой и В.А. Харламовым, показало корректность предложенной ранее реконструкции.⁶⁷

По существу, строители нового города при насыпке валов очень хорошо использовали особенности рельефа Старокиевского плато. Они были проложены

63 О связи сказания с летописанием Десятинной церкви писал еще А.Н.Насонов (Насонов А.Н. *История русского летописания XI–XVIII вв. Очерки и исследования*. М., 1969, 23–26).

64 Андрощук Ф. Скандинавские древности, 19.

65 *ПСРЛ* I: 83. О том, что текст — древний, по крайней мере, древнее окончательного составления *Повести временных лет*, свидетельствует мотив отсутствия апостольской проповеди на Руси («се бо не суть апсли оучили . ни пррци прорекли»; «тѣлом апсли не суть не были»). Позднее в легенде об апостоле Андрее, эта «оплошность» раннего летописца была «исправлена».

66 Тихонович О.М., Ткаченко М.М. Древний Київ-град. Спроба відтворення плану Верхнього Києва XI–XII ст. *Архітектурні пам'ятки*. К., 1950, 40–44

67 Алферова Г.В., Харламов В.А. *Киев во второй половине XVII в.*, 35

с напольной стороны между несколькими оврагами: Гончарным, что доходил до угла нынешних ул. Владимирской и Большой Житомирской, Крещатицким, достигавшим практически начала ул. Большой Житомирской, и Михайловским, врезавшимся в плато в районе ст. фуникулера. Не случайно, именно в местах между этими оврагами и были обустроены въездные ворота: Софийские и Михайловские. Еще одни ворота — Киевские — находились между отрогами Старокиевской и Андреевской гор. Свое литературное название «город Владимира» получил потому, что, как резонно предполагали исследователи, своим появлением обязан строительной деятельности Владимира Святославича.

В последнее время обозначилась тенденция пересмотреть и этот устоявшийся вывод. Практически одновременно были высказаны два разные предположения. Первое принадлежит С.И. Климовскому и сводится к тому, что «город Владимира» был построен во время княжения Ярополка.⁶⁸ Второе, — В.К. Козюбе, который отводит роль строителя новой крепости Святославу Игоревичу. Названный исследователь поторопился дать и свое название — «град Святослава».⁶⁹

На чем основаны эти предположения? Практически, ни на чем. Для опровержения традиционной точки зрения В.К. Козюба привлек летописные свидетельства. Точнее их отсутствие. Полагая, что такое неординарное событие, как строительство нового города, непременно должно было попасть на страницы летописи Владимира Святославича, и не находя подобного известия, исследователь пришел к выводу, что оно случилось еще до его вокняжения.

Удивительно, что отсутствие аналогичного свидетельства по отношению к Святославу его нисколько не озадачивает. Как и то, что данный князь вообще не замечен в какой-либо строительной деятельности. Более неудачного претендента на роль строителя Киева трудно и придумать. Он был воином и полководцем. За восемь лет своего княжения осуществил не менее пяти дальних военных походов: на вятичей (дважды), на хазар, на дунайских болгар (дважды). Когда ему было заниматься строительством города? Прохладное его отношение к Киеву вызывало даже недовольство киевлян: «ты кнаже чюжеа земли ищещи и блюдеши . а своєа са шхабивъ».⁷⁰

Чем пытаться разрушать традицию, лучше задуматься над ее исторической основой. И тогда окажется, что Владимир Святославич, как никто другой до него, отличился на поприще строительства городов, крепостей и храмов. Традиция именно с ним связывала интенсивную строительную деятельность («нача ставити городы по Деснѣ . и по Востри . и по Трубешеви . и по Сулѣ . и по Стугнѣ»⁷¹) вокруг Киева. В том же направлении, как кажется, должны указывать и общенсторические соображения: принятие новой религии, женитьба на византийской принцессе и новый статус Владимира как христианского владетеля с необходимостью влекли за собой радикальную перестройку городского про-

68 Климовский С. Грады Кия и Владимира: тип и время постройки укреплений. *Старожитності Верхнього Придністров'я*. К., 2008, 55–56.

69 Козюба В.К. «Місто Володимира», 255, 263–264.

70 *ПСРЛ* 1: 67.

71 *ПСРЛ* 1: 121.

странства.⁷² В рамках X в. невозможно представить иного момента, с которым вероятно было бы связать сооружение нового города.

Сказанное выше не дает и малейших оснований не только для пересмотра традиционного представления о том, что именно Владимир построил новый город в Киеве, но даже и для сомнения. Исходя из этого, нет смысла полемизировать с совершенно нереалистичной реконструкцией плана крепости, будто бы, возведенной Святославом, которую предложил В.А. Козюба.⁷³ Следует только отметить, что ее искусственность вполне прочитывается и на авторском рисунке, где трасса валов никак не согласована с рельефом местности. И конечно, никакой корректности в использовании термина «град Святослава», на чем настаивает В.К.Козюба, нет и быть не может. И не следует в дальнейшем повторять это поспешно высказанное определение.

То же самое можно сказать и о выводе, что валы «города Владимира» были насыпаны только с напольной стороны, а по кромке горы их и вовсе не было. Сохранившиеся практически до нашего времени отдельные участки насыпей В.К. Козюба отнес к XVII в. Вместо валов, по его мнению, здесь в древнерусское время находились укрепления в виде «столпя», неправильно отождествленные им со стеной из кольев, или «тына», которые, правда, тоже не выявлены археологически.⁷⁴ Как видим, отсутствие следов одних укреплений не мешает предполагать их наличие, а отсутствие следов других — таким основанием является.

В действительности, вал «города Владимира» был возведен по всему периметру. Можно рассуждать, что по краю горы он был менее мощный, чем с напольной стороны, но отрицать его наличие невозможно. Он был необходим и для сооружения деревянной стены. Однако, вряд ли мы должны предполагать наличие двух разных типов укреплений в системе одной крепости. Тем более столичной.

В XVII в. эта часть Киевской крепости, именуемая Меньшим городом, была обвалована по всему периметру. Причем, как свидетельствуют Расписные списки 1673 и 1674 гг., валы этого времени представляли собой подсыпку уже существовавших. В нескольких местах они названы старыми.⁷⁵ Определение «старые» относится, скорее всего, к валам насыпанным в 1654 г. сразу же после присоединения Украины к России. Но и в это время они лишь повторяли конфигурацию еще более старых. Об этом позволяет говорить то, что, согласно докладом в Москву, вся трехчастная крепость Верхнего Киева была обустроена всего за два месяца — с конца января и по конец марта.⁷⁶

72 Simon Franklin and Jonathan Shepard, *The Emergence of Rus. 750–1200* (London and New York: Longman, 1996), 164; Frank Kämpfer, “Von heidnischer Bildwelt zur christlichen Kunst. Die Bedeutung von Anna Porphyrogeneta für die Initialzündung der altrussischen Kultur,” *Millenium Russiae Christianae*, ed. Gerhard Birkfellner (Köln: Bohlau Verlag, 1993), 109–136.

73 Козюба В.К. «Місто Володимира», 260.

74 Козюба В.К. «Місто Володимира», 248. «Столпие» — производное от «столп», т.е. башня. Об этом исследователь мог бы узнать из специальной статьи, посвященной этому летописному термину: Кучера М. До питання про конструкцію стіни-столпії давньоруського літопису. *Київська старовина*. 1972, №1, 60–62.

75 Алферова Г.В., Харламов В.А. *Киев во второй половине XVII в.*, 100–101.

76 Алферова Г.В., Харламов В.А. *Киев во второй половине XVII в.*, 10.

О существовании Киевских валов княжеских времен свидетельствовали путешественники XVI — нач. XVII вв. Один из них Эрих Лясота, записал в своем дневнике следующее:

Киев с древних времен был знаменитой столицей отдельного княжества. Был очень укреплен на значительном пространстве и украшен великолепными церквями и зданиями, общественным и частными, как можно судить об этом по древним развалинам, ровно и по валу, охватывающему город и простирающемуся, говорят, на 9 миль в окружности.⁷⁷

Аналогичные сведения сообщил и Р. Гейденштейн, отметивший, что «город Киев находится не в старых стенах, а ниже, у Днепра».⁷⁸ Из приведенных наблюдений явствует, что древний вал охватывал город, и длину его вычисляли по окружности, а не по напольной дуге.

Из всех сомнений, которые вызывает у новых исследователей «город Владимира» (речь идет о крепости), наиболее обоснованным представляется отношение каменных остатков к Софийским воротам X в. Вывод этот был сделан на основании археологических наблюдений В. Стефановича и И.М. Самойловского. Раскопанные ими фрагменты двух пилонов шириной 2,3 м в средней части и 3,5 м, по краям, при общей длине 10 м и такой же ширине, состояли из древнерусских строительных материалов, поверх которых находилась кладка XVII в., скрепленная раствором серого цвета с известковыми включениями.⁷⁹ Г.В. Алферова и В.А. Харламов полагают, что в XVII в. от давно разрушенных ворот оставались одни фундаменты, на которых и были возведены каменные Софийские ворота.⁸⁰

Такое объяснение могло бы быть корректным, если бы в документах 1687 г. не было сказано, что новые ворота заменили собой старую ветхую Софийскую башню, а также, что «для утверждения подошвы выкопан ров глубиною два аршина ... в трехаршинную сажень, и те рвы набучены диким большим камнем и мелким щебенем».⁸¹ Разумеется, все это вызывает обоснованные сомнения. И, тем не менее, окончательную ясность в этот вопрос могут внести только новые археологические исследования фундаментов.

В свое время мной была высказана мысль, что необходимость возведения новых укреплений во время княжения Владимира Святославича была вызвана ростом центральной части Киева, которая к тому времени уже перешагнула тесные границы древнейшего городка. Сначала, как я полагал, застраивались свободные от курганов площади, а уже при Владимире были спланированы и

77 *Сборник материалов для исторической топографии Киева и его окрестностей*. К., 1874. Отд. 2, 16.

78 *Сборник материалов для исторической топографии Киева и его окрестностей*, 23–24.

79 Стефанович В. З археологічних розкопок 1913 р. в Києві. *Наукові записки Інституту історії матеріальної культури*. Кн. 5–6. К., 1935, 189–190; Самойловський І.М. Миська брама Х ст. у Києві. *Археологія*. Т. 19. К., 1965, 183–188.

80 Алферова Г.В., Харламов В.А. *Киев во второй половине XVII в.*, 34–36.

81 Алферова Г.В., Харламов В.А. *Киев во второй половине XVII в.*, 34.

курганы.⁸² Даже если бы не было письменных и археологических свидетельств на этот счет, подобную мысль можно было бы высказать исходя из практических соображений. Ведь невозможно себе представить, чтобы Владимиру пришла мысль окружать мощными укреплениями десятигектарное необжитое плато. Подтверждением такого предположения стали раскопки Я.Е. Боровского в юго-восточной части территории «города Владимира», где обнаружены следы двух ранних усадеб, располагавшихся рядом с курганными захоронениями. Ф.А. Андрощук, обративший на это наше внимание, о чем речь шла выше, показал, что такое соседство домов живых и мертвых являлось обычным для скандинавской средневековой действительности. Видимо, подобная ситуация имела место и в других частях Верхнего города. Исследования Георгиевской церкви в «городе Ярослава», показали, что ее фундаменты разрезали достаточно заметный культурный слой X в.

Нет сомнения, что споры относительно исторической топографии Киева второй половины X в. вызываются, в значительной мере, тем, что у нас еще нет инструментария для точного датирования археологических артефактов. Сегодня мы уверенно относим к X в. керамику с хорошо профилированными манжетовидными венчиками, но еще в 60-е годы XX в. автор этих строк не находил понимания в этом со стороны старших коллег, привыкших датировать ее XI в. А ведь не исключено, что она появилась и еще раньше.

Не все так хорошо и с архитектурной датировкой. Нет сомнения, что не будь летописного свидетельства о строительстве Десятинной церкви, историки архитектуры не смогли бы определить ее время даже и с точностью до 50-ти лет. Правда, иногда им и летописные известия, что называется, «не указ». Так, как это произошло с определением времени «восточного» дворца. На основании архитектурных аналогий они утверждают, что появился он только во время строительной деятельности Владимира.

А как же тогда быть с летописными свидетельствами? Если бы речь шла только об упоминании двора теремного «внѣ града» (где «бѣ бо теремъ каменъ»), содержащемся в летописной статье 945 г., можно было бы отнести его к позднейшей интерполяции. Но ведь об этом теремном дворе говорится и в других статьях. В частности, 980 г.: «Володимеръ же то слышавъ . вшедь въ дворъ теремныи штенъ».⁸³ Содержащееся в продолжении рассказа разъяснение, что об этом летописец уже сказал ранее («ш немже преже сказахомъ»), позволяет предполагать, что имелся в виду тот самый «дворъ княжь» Ольги, у которого был каменный терем. «Отень» здесь не обязательно построенный Святославом, но фамильный. Еще раз о теремном дворе говорится в рассказе о сооружении Владимиром нового языческого храма с идолами шести богов: Перуна, Хорса, Дажьбога, Стрибога, Симаргла и Мокошь. Уточнение, что кумиры были поставлены «на холму внѣ двора теремнаго», позволяет предполагать их относительную близость.

82 Толочко П.П. *Исторична топографія стародавнього Києва*, 59.

83 *ПСРЛ* 1: 78.

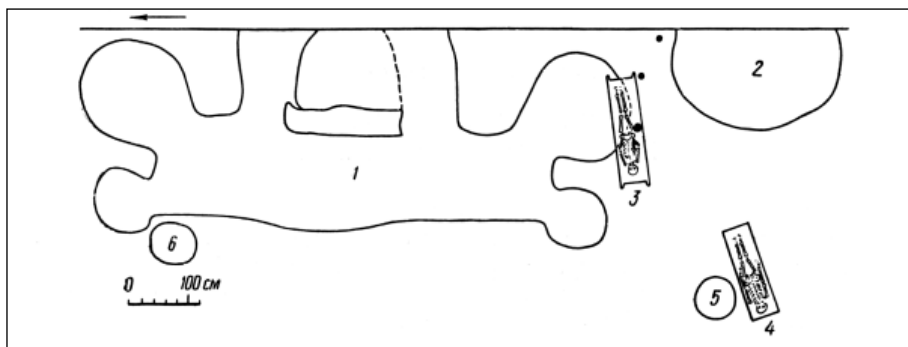

Рис. 10. План языческого капища по ул. Владимирской, 3. Раскопки Я. Е. Боровского и П. П. Толочко. 1975 г. Условные обозначения: 1 — фундаментные рвы; 2 — зольник; 3, 4 — погребения; 5, 6 — зольные ямы.

Рис. 11. Основание языческого капища. Юго-западная часть.

Следовательно, независимо от того, как датированы строительные остатки к северо-востоку от Десятинной церкви историками архитектуры, есть все основания именно здесь располагать княжескую резиденцию времен Ольги-Святослава и начального этапа правления Владимира.

За пределами древнейшего града находился и новый языческий храм Киева. Из свидетельства летописи следует, что в 988 г. на его месте была поставлена церковь св. Василия. Если признать, что ее более поздней преемницей была церковь св. Василия на Ярославом дворе, тогда капище мы должны располагать в районе левого крыла современного здания Министерства иностранных дел Украины. Нельзя, правда, исключать, что Васильевская церковь была поставлена не на месте капища, а лишь на том самом холме: «и постави цркъвь стаго Василья на холмѣ . идеже стояше кумирь Перунъ . и прочии».⁸⁴ В таком случае, взаиморасположение этих объектов, может определяться лишь относительной их близостью. Что, разумеется, не является основанием для расположения капища на месте Андреевской церкви, как это казалось автору *Синописа* и некоторым нынешним киевоведом.

В 1975 г. под домом № 3 по ул. Владимирской были обнаружены остатки какого-то загадочного сооружения. В плане оно представляло удлиненный прямоугольник шириной 1,75 м, вытянутый по оси север-юг на 7 м. Южная и северная его оконечности переходили в округленные симметричные выступы, по два с каждой стороны. Еще два таких выступы находились с восточной стороны. Заполнение фундаментных рвов этой необычной постройки состояло из крупных камней, битой тонкостенной плинфы, обломков шифера, фракций известкового раствора с примесью бледно-розовой цемяночной массы.⁸⁵

Публикуя результаты раскопок мы (с Я.Е. Боровским) высказали предположение, что перед нами остатки языческого капища, быть может того самого, которое поставил Владимир Святославич. На это нас вдохновила не только необычная конфигурация постройки с шестью ее выступами, но также и то, что рядом с ней находился большой зольник. Размещался он в чашеобразном углублении диаметром около 3 м и сохранился на высоту более 1 м. Состоял из чередующихся слоев угля и пепла, а также обожженной глины, чем напоминал так называемый столб у капища, что в древнейшем киевском граде. Недалеко от фундамента и зольника находились небольшие круглые ямы, заполненные пеплом и углями, а также керамика X в. и большое количество костей быков. Аналогичные углубления, а также кострища встречались здесь и при раскопках конца XIX — нач. XX вв.⁸⁶

Д.Д. Елшин, с присущей молодости категоричностью, полагает, что такая атрибуция не выдерживает критики. Чьей критики, он не уточнил. Но поскольку

84 ПСРЛ 1: 118.

85 Датируются исключительно X в. Их хронологическая стерильность исключает предположение о том, что происходят они от разрушенной в 1240 г. Десятинной церкви. В таком случае в заполнении непременно должны были находиться и более поздние материалы. Больше оснований видеть в нем строительные отходы из ранних каменных дворцов.

86 Толочко П.П., Боровский Я.С. Язичницьке капище в «городі» Володимира. *Археологія Києва*. К., 1979, 3–10

его собственной нет, надо полагать, имела ввиду критика его киевских молодых коллег. Она действительно имеется. Ее авторы — Ф.А. Андрощук и А.В. Комар проявили солидарность только в отрицании первичной интерпретации. Что касается их собственной, то она различна. Первый исследователь полагает, что перед нами «скорее всего остатки древнейшей неизвестной нам церкви». ⁸⁷ Согласно второму, это было какое-то «деревянное сооружение (возможно, часовня) не ранее второй половины XIII в., при постройке которого были использованы руины разрушенной Десятинной церкви». ⁸⁸

Как удалось названным авторам увидеть в этой необычной по плану постройке церковное сооружение, одному Богу известно. Никаких объяснений этому они не приводят. Как не приводят ему и аналогий. А.В. Комар не счел нужным оговорить и то, каким образом деревянная часовня могла быть возведена из материалов разрушенной Десятинной церкви.

Ничего не дает для атрибуции сооружения и стратиграфическое наблюдение, согласно которому юго-восточный выступ был перерезан погребением X в. Ф.А. Андрощук отнес его к христианскому времени, аргументом чего послужила ему ориентация — запад-восток. Но единственный вывод, который можно сделать на основании этого стратиграфического наблюдения, это тот, что сооружение старше погребения. ⁸⁹

Поразительно, но не успели, как говорится, просохнуть чернила на интерпретации А.В. Комара, как он порадовал нас новой. Правда, при этом, не отказался и от прежней. На этот раз увидел в сооружении по ул. Владимирской, 3 не деревянную часовню второй половины XIII века, но ворота XI века, которые вели на Великий Ярославов двор. ⁹⁰ И снова никаких аргументов и аналогий. Ввиду очевидной абсурдности этого предположения комментировать его нет необходимости. Можно только заметить молодому коллеге, что столь легкомысленная суэта не совместима с серьезной наукой.

Из сказанного следует, что новые интерпретации загадочного сооружения на ул. Владимирской, 3 несколько не лучше той, что предложена авторами раскопок. Если у нас (с Я.Е. Боровским) недостаточно убедительных аргументов, то в новых исследователей они вообще отсутствуют. Конечно, их неудачи не являются гарантией истинности прежнего вывода. Но для его опровержения, а тем более доказательства альтернативного взгляда одних сомнений не достаточно.

До последнего времени не было разночтений и относительно того, чем вызвано строительство «города Владимира». Со времен первых исследователей исторической топографии древнего Киева ни у кого не возникало сомнений, что заселение и укрепление новых районов города свидетельствовало о его росте и

87 Андрощук Ф. Скандинавские древности, 30–31.

88 Комар А. К дискуссии, 131.

89 А.В. Комар решил поправить исследователей и в этом, предположив, что не погребение перерезало фундаментный ров, но последний перекрыл погребение. Но это уточнение, во-первых, совершенно не корректное, а, во-вторых, ничего не дает для атрибуции сооружения.

90 Комар А.В. «Боричев» и «Боричев узвоз» древнего Киева, 219.

расширении. Д.Д. Елшину эта естественная мысль показалась слишком простой. Согласно ему,

размещение в Верхнем городе комплекса монументальных сооружений было не расширением княжеского двора, а сознательным актом создания нового градостроительного центра. Важным моментом представляется размещение нового города на значимом месте. Религиозно-административный центр был поставлен на месте могил погребенных родственников дружины или самого князя.⁹¹

Что касается «сознательного акта», то мысль эта не является откровением. Разумеется, строительство «города Владимира» было сознательным актом. Но таким было и строительство древнейшего града. Как и любое другое строительство когда-либо проводившееся в Киеве. А вот утверждение о намеренном размещении города на могилах предков действительно оригинальное. Прежде всего потому, что если это и в правду были могилы родственников князя, к тому же недавно погребенных, то Владимир проявил к ним кощунственное неуважение. И, следовательно не считал это место значимым. А еще потому, что оно предполагает наличие у Владимира выбора: мог разместить новый городской центр в другом месте, но остановился на этом. Но такового у него не было. Его город явился естественным продолжением более раннего, как «город Ярослава» будет продолжением «города Владимира», который также «сознательно» возведут на могилах предков не оттого, что Ярослав был озабочен выбором «значимого места», а потому, что иного у него тоже не было.

Заключение

Из всего сказанного выше видно, что новые исследования не смогли обосновать иную концепцию историко-топографического развития раннего Киева. По существу, не скорректировали сколько-нибудь убедительно и уже существующую. Скорее затуманили ее своими разноречивыми предположениями, не основывающимися на археологических и письменных источниках. Последние служили исследователям не основой, а лишь поводом для изложения их умозрительных «сценариев» развития города, что свидетельствует о серьезных методических изъянах предложенных реконструкций.

Показательным в этом отношении может быть вывод В.Н. Зоценко о том, что административно-военный центр Киева вплоть до княжения Владимира Святославича находился на Замковой горе. Без насилия над источниками обосновать его невозможно. Даже и в том случае, если признать, что обнаруженные в 1897 году остатки кирпичного сооружения возле кладбищенской церкви на Замковой горе принадлежали не церкви, как думал Н.И. Петров, а одному из теремных дворов Ольги, как казалось П.А. Лашкареву.

91 Елшин Д.Д. Комплекс монументальных сооружений, 20.

Но ведь был же еще теремной двор, который летописец определенно разместил рядом с Десятинной церковью. Здесь обнаружены и исследованы остатки, по-видимому, двух каменных построек, дворцовый характер которых не вызывает сомнения. Отчего же их не считать княжескими? И как можно утверждать, что Ольга устроила смертный прием древлянским послам во дворе на Замоквой горе, если в летописи речь идет о Старокиевской? «Шльга же повелѣ ископати яму . велику и глубокоу . на дворѣ теремьстѣмъ . внѣ града . и заоутра Волга сѣдаши в теремѣ . посла по гости».⁹² Никаких разночтений здесь быть не может. Ольга принимала послов в том самом дворе, местоположение которого летописец определил словами: «и бѣ внѣ гра^а дворъ друогии . идѣже е^с дворъ Демест^нковъ . за стюю Бѣю надъ горою дворъ теремны^и бѣ бо ту теремъ камень».⁹³

Утверждение В.Н. Зоценко, о том, что на Старокиевской горе отсутствуют четкие следы какой-либо жилой застройки ранее самого конца X в., а территорию «древнейшего городища» занимали курганные насыпи и вовсе неловко комментировать.

Ничего, кроме грустного удивления, не может вызвать и еще одно откровение исследователя о том, что на южной оконечности Замоквой горы были обнаружены остатки «упомянутого выше дворца конца X в., служившего ориентиром для местонахождения ямы с заживо погребенными древлянами». Но, во-первых, этот гипотетический «дворец» обнаружен не в южной, а в северо-западной части горы, что немногим выше утверждал и сам В.Н. Зоценко. А, во-вторых, совершенно непонятно, как дворец конца X в. может служить ориентиром для местонахождения ямы 945 г. Тем более, что на указанном исследователем месте не выявлено ни того, ни другого.

Аналогичной методической нетребовательностью к использованию источников, характеризуются работы и других авторов, посвященные исторической топографии раннего Киева. В том числе и те, в которых предложена новая атрибуция сооружения, раскопанного по ул. Владимирской, 3 и отождествленного авторами раскопок с языческим капищем. В критическом отношении к такой интерпретации, разумеется, ничего неестественного нет. Весь вопрос в том, имеет ли оно обоснование. Выводы Ф.А. Андрощука и А.В. Комара о том, что это не капище, а церковное сооружение, или второй вывод А.В. Комара, что это ворота Великого Ярославого двора, как минимум, должны были опираться на аналогии. Авторам следовало бы показать, где им удалось обнаружить христианские храмы (или крепостные ворота) со столь причудливо разветвленным архитектурным планом. Без этого их альтернативные интерпретации, да и сами сомнения в правильности предыдущей, не могут вызывать доверия. Это не совсем наука.

И еще одно замечание, одинаково относящееся ко всем авторам, упомянутым в этой работе. Заключается оно в том, что не следует априори относиться с недоверием к другому мнению, в том числе и высказанному далекими предшес-

92 ПСРЛ 1: 56.

93 ПСРЛ 1: 55.

твенниками, только на том основании, что оно чужое. Необходимо попытаться понять на чем оно основано. И, разумеется, нельзя исходить из того, что предшественники менее ответственно относились к исторической интерпретации археологических находок.

Если бы В.К. Козюба и другие исследователи, подвергающие сомнению, в частности, атрибуцию В.В. Хвойкой каменного сооружения в пределах древнейших укреплений, как капища, внимательно вникли во весь археологический контекст этой находки, вряд ли бы появились утверждения, что она (атрибуция) ни на чем не основана. Свое несогласие им бы пришлось мотивировать тем, что, к примеру, столб у капища, состоявший из чередующихся слоев золы и обожженной глины, не был жертвенным кострищем, а большое скопление костей крупных животных возле капища, не является свидетельством осуществлявшихся здесь жертвоприношений. А главное, они не обошлись бы без аргументов в пользу своей интерпретации. К сожалению, ничего подобного в их исследованиях нет.

В полной мере это относится и к вдохновляющему некоторых молодых киевоведов глумливому утверждению В.Я. Петрухина, что выявленное В.В. Хвойкой сооружение, не что иное, как «куча строительного мусора» от Десятинной церкви. Это уже и совсем не наука.

В целом, из-за небрежного обращения с источниками, многие размышления новых исследователей исторической топографии раннего Киева оказались лишеными надежной фактологической основы, а следовательно и научной корректности.